СЕРГЕЙ ЛОЗОВ

ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

КНИГА ПЯТАЯ

СВЕРЕНО
ДЕЛО № 102
48 ЛЕТ

ПРИЁМНАЯ

ЖДУ ВТОРНИК
ГРАФИК ДЕРЖУ
ОЧЕРЕДЬ А. ДОХОДНАЯ

ОЧЕРЕДЬ НЕ РАСХОДИТСЯ НИКОГДА

ПРИЁМНАЯ

СЕРГЕЙ ЛОЗОВ

сатирический детектив

Сергей Лозов

Приемная

«Автор»
2026

Лозов С. Ю.

Приемная / С. Ю. Лозов — «Автор», 2026

Капитан юстиции Настя Волкова открывает приёмную в Сосновской больнице — и выясняет, что ведёт дело не она. Печь в подвале сорок восемь лет жгла документы, очередь не расходится никогда, а в журнале учёта заявлений живёт голос, который советует не подписывать бумаги. Впереди — двести восемь подписей «по поручению», тринадцать личных дел без получателя и цинковый ящик со дна резервуара. Система отвечает на вскрытие краской и обещает стереть следователя с обратной силой. Но у очереди есть то, чего нет ни в одной ведомости: имена, совесть и бабушкины щи. Сатирический детектив с магическим реализмом: улики нюхают козы, показания снимают с мокрой краской, а правду слушают печью. Пятый том о системе, которая подписывала всё, кроме правды. Читать можно отдельно. Но, войдя в Сосново, вы останетесь: отсюда не уезжают, отсюда спрашивают.

© Лозов С. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой приёмная открылась по регламенту, а очередь пришла на час раньше — с документом, который писала ночь, и в этом документе была стипендия 6
УЛИКА № 10/V 9
ДОКУМЕНТ № 4/V 10
РЕЕСТР ГЛАВЫ ПЕРВОЙ 12
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой первый вышедший попросил экскурсию в собственный подвал, а карта по памяти не совпала ни с одной ведомостью — и это был её первый плюс 13
УЛИКА № 11/V 16
ДОКУМЕНТ № 5/V 17
РЕЕСТР ГЛАВЫ ВТОРОЙ 18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой открыли первую дверь, а за ней нашлись платок, счёт мелом и дата, которая не сходилась сама с собой 19
УЛИКА № 12/V 22
ДОКУМЕНТ № 6/V 23
РЕЕСТР ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ 24
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой один день нашёлся между смертью и описью, а дворник сдал экзамен, который никому не показывал сорок восемь лет 25
УЛИКА № 13/V 28
ДОКУМЕНТ № 7/V 29
РЕЕСТР ГЛАВЫ ЧЕТВЁРТОЙ 31
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой вскрыли вторую дверь, а за ней нашлась смена, которую никто не отменял, и корзина, которая сорок восемь лет ждала не забирателя, а сдатчика 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Сергей Лозов
Приемная

ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ
Книга пятая
ПРИЁМНАЯ
сатирический детектив
Сергей Лозов

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой приёмная открылась по регламенту, а очередь пришла на час раньше — с документом, который писала ночь, и в этом документе была стипендия

Вторник, Сергей, я помню по трём предметам: журнал, багажник и стипендию.

Журнал — тёти Маши: он принял первое показание пятой книги в восемь ноль-ноль, на час раньше графика. Багажник — Кеши: он с ночи стоял отрытым, хотя пассажиров не было, — то есть был, но не ехал. А стипендия — отменённая, сорок восемь лет как, — и это самая дорогая из трёх позиций.

Приёмная открылась в девять. По графику: вторники и четверги, с девяти до двенадцати. График написала я сама — на тетрадном листе, отцовской ручкой, и прикрепила к двери снаружи, потому что внутри участка дверей больше, чем кабинетов: старый участок ПЧ-9 стоял пустым со времён укрупнения, и мы заняли его по основанию «объект охраняется» — формулировку сняли с указателя на Столбово, она уже прошла проверку временем и волнованием.

Табличку на дверь вырезали из тетрадного листа. «ПРИЁМНАЯ». Прописными, от руки, ровным почерком — и это, Сергей, был наш первый реквизит: бумага, у которой нет водяных знаков и которая поэтому не боится ничего.

Очередь пришла в восемь. За час. Очередь, между нами, регулируется не расписанием — чувством, когда надо встать. Шестьдесят два человека. Кеша стоял первым — с багажником: багажник с ночи дышал, значит, пассажир будет. Вера Степановна заняла позицию у прилавка — коза в приёмной занимает позицию не потому, что её зовут, а потому, что инспектор по нюху проверяет кабинет раньше посетителей. Сорок восемь лет она не проверяла ничего в этом помещении. В восемь ноль-ноль она проверила стены и легла у прилавка — со стороны внутренней. Кабинет прошёл проверку.

Журнал открылся в восемь ноль-ноль — тоже сам, раньше графика: тётя Маша приняла первое показание, которое никто не просил. Запись была одна, строка одна: «Жду вторник». Система ведёт журнал теперь честно — с того дня, как у неё появился почерк, она пишет в нём то, что слышит, а не то, что должна.

В девять я открыла дверь изнутри и увидела очередь — в лицо, по-настоящему, впервые за пять книг: до этого очередь мне показывали хвостами, номерами и багажниками. Теперь она стояла, смотрела и держала документы.

Первым шагнул Стёпа.

Стёпа, Сергей, — парень, который слушал за одного, за двоих и за троих — по тарифу, счёт которого мне ещё предстояло закрыть. Он был из тех, кто в школе тянул физику за половину класса и молчал об этом: не потому, что стеснялся, а потому, что молчать было выгоднее — за молчание платили. Он положил на прилавок лист — пожелтевший, сложенный вчетверо, — и сказал то, что я записала в реестр дословно:

— Капитан. Мне отменили стипендию.

— Когда? — спросила я — по привычке всех следователей, которая до сих пор не лечится.

— Сорок восемь лет назад, — сказал Стёпа. — Я узнал об этом сегодня. Документ шёл ко мне сорок восемь лет — по почте системы. А почта системы, вы знаете, идёт ровно столько, сколько нужно, чтобы адресат созрел.

Я развернула лист. Уведомление: «В связи с оптимизацией расходов на выплаты учащимся стипендия, назначенная т., ОТМЕНЯЕТСЯ с момента подписания». Дата не стояла.

Вместо даты — пропуск: пустое место, обведённое от руки, как обводят не дату, а отсутствие. И внизу — приписка от руки, ровным почерком, без нажима, без даты, без подписи:

«Программа действовала с семьёй семьдесят восьмого года».

— Это, — сказала я, — не уведомление. Это ведомость. Смотрите: стипендию отменили «с момента подписания» — а подписания нет. Значит, с какого момента? Правильно: с момента, который система назначит потом. У системы нет дат — у неё есть переносы.

Стёпа кивнул так, как кивают не согласные, а уверенные:

— Я слышу даты. Вы знаете. И вот что я слышу: этот лист писали ночью. Машину слышно — она стучит иначе, чем днём: по слогам, как считают. Напечатали до полуночи. А приписку дописали после полуночи — уже от руки. И рука у этой приписки, капитан, твёрже, чем у любых резолюций.

— Ровный почерк, — сказала я.

— Ровный почерк, — согласился Стёпа. — Которого в части не числят. Который теперь, если вы не в курсе, смеётся с опозданием.

— В курсе, — сказала я. — Номер сто второй. Под этим номером она посчитала себя. Вопрос, который мне поставила очередь, звучит иначе: кто получал до него?

— Вот, — сказал Стёпа и положил на прилавок вторую бумагу.

Платёжка. Сорокавосьмилетняя, за март семьдесят восьмого года, из соли — бумага в соли не гниёт, моль не берёт, а система не проверяет, потому что проверять то, чего не числится, ей регламент запрещает: страница четырнадцатая, пункт девять, наш любимый титул. На платёжке — графа «Получатель». В графе стояло: «по доверенности». А ниже — графа «Принял». И в графе — одна буква, от руки, с нажимом, пробивающим бумагу насквозь:

«А.»

У меня, Сергей, кисть, которой я держала ручку, не похолодела — она сама легла на стол, как легает инструмент, узнавший работу. Я эту букву видела четырнадцать раз: тринадцать — на личных делах с надписью «Получатель: не назначен» — цинковый ящик, холл больницы, очередь при вскрытии. Четырнадцатый — на платёжке. Виза «А.» стояла на тех, кого система не решилась выдать. А теперь та же буква стояла на платёжке, по которой платили за уши.

— Тариф, — сказала я ровно. — За слушание. Стипендия — это не пособие учащемуся. Это оплата ушей. Программа действовала с семьёй семьдесят восьмого — значит, платили не тебе. Платили за то, чтобы ты слушал за семью. А до тебя платили за то, чтобы слушал кто-то другой.

— За одного, — сказал Стёпа. — Потом за двоих. Потом за троих. Тариф рос, капитан. А уши — те же. Это единственный тариф, который система поднимала, не спрашивая производительность.

В это время очередь заговорила. Не хором — по-очередному: из глубины, через четыре ряда, из тех мест, куда документы не доходят никогда, а вопросы доходят с первого ряда сразу, — долетел голос, и голос был не из наших постоянных:

— Виктор Аркадьевич и тот, который уехал считать убытки, — не братья ли?

Я подняла голову. Вопрос был задан не мне — мне его передали, как передают расписку: через ряды, от человека к человеку, и дошёл он в сохранности дословно.

— Не братья, — сказала я в очередь. — Ученики.

Очередь замерла. Кеша издал звук, который издаёт багажник, когда узнаёт направление раньше пассажира. Вера Степановна открыла глаза — коза не спала, коза слушала.

— Ученики, — повторила я и записала в реестр, потому что наводка — это не доказательство, наводка — это направление. — Дворник Аркадий. График колодца: шаг «через равное». Инструктор по графам — это не метафора, это должность, которую в районе никогда не утверждали, потому что она утверждала себя: кто научился читать графики системы, тот учился у одного. У кого — очередь спросила. Я запишу.

И тут — в четыре минуты десятого, раньше всякого графика — тётя Лена постучала в дверь со стороны подвальной лестницы. Она была в форме — той самой, сорокавосьмилетней, в которой заступила, — и держала в руке то, за чем ходила в подвал по расписанию: показание.

— Тётя Лена, — сказала я. — График заступления?

— График держу, — сказала она. — Показание передаю. Строка одиннадцать — в моём ведении, а показание, капитан, идёт сквозь меня, как через провод. Возьмите.

Она положила на прилавок лист тетрадный — написанный её рукой, потому что безбумажное следствие принимает бумагу только от рук, которые за неё отвечают. На листе стояло:

«Из подвала доносится, редко, раз в сутки, звук пересчёта. Не монет: пересчитывают то, что считают молча. Мною отмечено: звук идёт снизу вверх. По графам системы, как известно, счёт идёт сверху вниз. Значит, считает не система».

— Считает не система, — повторила я.

— Считает тот, — сказала тётя Лена, — кому система сорок восемь лет не давала пересчитать своё. В подвале, капитан, теперь пусто. А пустое слышно дальше полного: я вам это уже говорила про резервуар, и я скажу это про всё.

В двенадцать ноль-ноль я закрыла приёмную — по регламенту, секунда в секунду: регламент единственное, что в этом районе работает без кнопки. Очередь не разошлась. Очередь никогда не расходится — она пересобралась: на час раньше, на четверг, на следующее показание. Стёпа остался у прилавка с двумя бумагами, тётя Лена вернулась на строку, Вера Степановна переместилась к дверям — нюхать тех, кто выйдет из подвала, если кто-то выйдет.

А печь, Сергей, в этот вторник ничего не сказала. Она в горнице у Прокудина отдаёт тепло — то, которое переходит, — и тепло это, я теперь знаю, не топливо. Это смена. Смена не заканчивается — она принимается. И когда я сниму четырнадцатую… нет, первую на новой катушке — крышку, я проверю катушки: в нашем счёте теперь всё должно сходиться с самого начала.

В четыре десять тётя Лена доложила из подвала:

— Закрыт один.

Счёт травы на момент открытия приёмной был пятьсот шестьдесят четыре. В двенадцать ноль-ноль стал пятьсот шестьдесят три. Темп — семь заявок в неделю. Пятьсот шестьдесят три строки осталось закрыть, и за каждой — человек, которого система держала без приметы.

УЛИКА № 10/V

Предмет: Платёжка за март семьдесят восьмого года о выплате «тарифа за уши»; получатель — «по доверенности»; в графе «Принял» — буква «А.» с нажимом, пробивающим бумагу

Место/Способ: Найдена Стёпой в соли (коробка девятая); предъявлена приёмной в восемь пятьдесят

Связка: Тринадцать личных дел с визой «А.» (улика № 45/III); тарифы «слушал за одного/двоих/троих»; правило «число платёжек = число месяцев»

Статус: Зарегистрировано. Платили за уши с семьёй семьдесят восьмого. Кто получал до Стёпы — вопрос не снят: он только открылся, и открывается он в ту же графу, где стоит «А.»

ДОКУМЕНТ № 4/V

Наименование: Уведомление об отмене стипендии; дата не проставлена — вместо даты пропуск, обведённый от руки; приписка от руки ровным почерком: «Программа действовала с семьёй семьдесят восьмого года»

Ответ: печати нет; на месте печати — след кружки, круглый, сухой. Кружка теперь единственный округлый документ системы: на нём хотя бы видно, что пили

Связка: «неустановленное лицо с ровным почерком» (книга четвёртая); почерк № 102 — смех с опозданием

Статус: Зарегистрировано. Система отменила стипендию, не назвав даты, — потому что даты она не пишет: она их переносит. А мы даты теперь пишем за неё.

Кеша собрал багажник в девять сорок — раньше, чем закончился приём. Стоял у прилавка и смотрел, как очередь пересобирается на четверг.

— Что-то не так? — спросила я.

— Всё так, — сказал Кеша. — Просто багажник пустой стоит, и мне от этого неспокойно. Он с ночи отрытый был, я думал — пассажир. А пассажира нет. Значит, багажник ошибся. А багажник не ошибается.

— Он не ошибается и не угадывает, — сказала я. — Он ждёт.

— Вот именно, — сказал Кеша. — Ждёт с ночи. А я его закрывать не могу: закрою — он обидится.

Вера Степановна подняла голову от прилавка и посмотрела на багажник. Кеша посмотрел на козу. Коза посмотрела на багажник.

— Вот, — сказал Кеша. — Она тоже за багажник. Она всегда за багажник, я её понимаю с восемьдесят третьего года.

— Кеша, — сказала я. — Скажи по существу: что ты хотел?

— Я хотел сказать, — сказал Кеша и задумался, — что хотел сказать, но пока говорил про багажник, забыл. Бывает. У меня с памятью так: начнёшь рассказывать — и само вспомнится. Не буду мешать, капитан. Очередь ждёт. Багажник открытый оставлю — мало ли.

Он вышел — и вернулся через минуту, за козырьком: забыл козырёк на прилавке.

— Пусть стоит, — сказал Кеша извиняющимся тоном. — У предмета должно быть место, где он мешает по назначению.

Вера Степановна снова легла. Очередь перестроилась — тихо, по-очередному, без толчка и слова.

Очередь пришла в восемь — на час раньше. Первой, как и положено, была Вера Степановна: она проверила стены и легла у прилавка.

— Она раньше журнала, — сказал Кеша с уважением. — Журнал в восемь ноль-ноль принял показание, а она в восемь проверила стены. Это уже про порядок: кто проверяет стены, тот открывает день.

— Кеша, ты опаздываешь, — сказала я.

— Я не опаздываю, — сказал Кеша. — Я иду по графику багажника. У багажника график свой, и он не совпадает с вашим. Он с ночи отрытый — значит, день у него начался раньше. А я при нём, как при начальстве.

Очередь стояла тихо — шестьдесят два человека, и ни один не покашливал. Я слышала это молчание изнутри участка: оно шло через дверь, как идёт вода под порогом.

— Капитан, — сказал Кеша тихо. — А вы заметили? Они не разговаривают. В очередях всегда разговаривают. А тут молчат. Это не страх, я вам скажу. Это ожидание. Страхом молчат, когда боятся. А ожиданием молчат, когда знают, что придёт своё и без крика.

— Ты это с какого года знаешь?

— С восемьдесят третьего, — сказал Кеша. — С первого багажника. С того, в котором никто не ехал, а багажник дышал.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

№ 10/V → Тариф за уши существовал как ведомость, а не как слух → Высшая: связывает стипендию Стёпы с визой «А.» → Сверить число платёжек с числом месяцев с марта семьдесят восьмого → Платили не учащемуся — платили за слушание за семью → Открыть реестр тарифов: кто получал до Стёпы

Показание тёти Лены → В подвале считают снизу вверх → Высокая: счёт снизу вверх — это трава, а не система → Лежать в подвале с фонарём и пересчитать → Считает не система → Дождаться, кто пересчитает вслух

Вопрос очереди → Колесников и Тумин — ученики → Высокая: школа Аркадьевичей — график колодца → Спросить у Аркадия, кому он показывал шаг «через равное» → Один инструктор на двоих → Вызвать Аркадия на четверг

Уведомление → Система не пишет даты — она их переносит → Средняя, но растущая → Стёпа слышит время письма: ночь → Приписку писали после полуночи → Держать документ в реестре, не в соли: пусть померкнет честно

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой первый вышедший попросил экскурсию в собственный подвал, а карта по памяти не совпала ни с одной ведомостью — и это был её первый плюс

Четверг, Сергей, я помню по трём предметам: кепка, план и мел.

Кепка — Кораблёва. Он пришёл в девять ноль-ноль, минута в минуту с открытием, и очередь расступилась перед ним так, как расступаются не перед начальством, а перед погодой: стихийно и молча. Кепка была та самая — серая, выцветшая до равнодушия, с козырьком, который смотрел туда, куда смотрел хозяин. Сорок восемь лет в подвале — это единственный головной убор в районе, у которого стаж больше, чем у багажника Кеши.

— Капитан, — сказал Кораблёв и снял кепку. Снял не для вежливости — для протокола: он снимал её перед тем, как говорить то, что ляжет в реестр. — Я сорок восемь лет ходил мимо этих дверей изнутри. Теперь хочу пройти мимо них снаружи. Со Стрельцовой. Я знаю, где что стояло.

— Это не экскурсия, — сказала я. — Это осмотр места происшествия. Осмотр — действие следственное. Проводит следователь. Присутствуют понятые.

— Понятые будут? — спросил он.

— Очередь, — сказала я.

— Тогда согласен, — сказал Кораблёв. — Я сорок восемь лет не имел понятых. У меня были только свидетели с той стороны двери.

Вера Степановна в это время подходила к нему по своей должности — инспектор по нюху проверяет не только кабинеты, но и заявителей. Она подошла, понюхала кепку — и легла. Не испугалась, не отошла: легла, как легла у цинкового ящика. Коза не ест того, что хранит память, — а передо мной стоял ходячий архив сорокавосьмилетнего хранения. Показание козы: чисто. Второе показание козы, если читать её по лежанию: этот человек помнит больше, чем говорит. Коза — единственный инспектор в районе, который читает лежание как подпись.

Стёпа стоял у прилавка — с двумя бумагами вторника, он их не сдал в реестр, а держал при себе, как держат не документы, а обязанности. Он сказал:

— Капитан, у меня к карте вопрос. Когда будете просить рисовать.

— Рисует сейчас, — сказал Кораблёв и достал карандаш.

Карандаш у него был столярный — гранный, чёрный, с огрызком, зажатым в кулак так, как зажимают не пишущее, а рубящее. Он взял тетрадный лист — обратную сторону собственного заявления — и начал рисовать. Очередь молчала. Молчание очереди — это уже не тишина: это кворум.

И тут Стёпа сделал первое своё заявление в новом качестве. Не как проситель — как специалист, которого система держала на тарифе:

— Капитан. Смотрите, как он рисует. Сверху вниз. Заголовок, потом стены, потом двери. А в подвале, Виктор Аркадьевич, всё было наоборот: двери шли от выхода вглубь, и считали их от третьего выхода, а не от входа. Память, значит, пишет снизу вверх — как трава. Система пишет сверху вниз. Значит, то, что помнит человек, система прочесть не может — ни графику, ни порядок.

— Поэтому план подвала, — сказала я, — в ведомости один, а память одна на двоих. Виктор Аркадьевич, сколько дверей в вашей карте?

— Одиннадцать, — сказал Кораблёв. — Я считал их каждый день. Сорок восемь лет, каждый день. Счёт от третьего выхода. Первая — та, что у стены с трубою. Одиннадцатая — та, что в конце, у решётки.

— А в ведомости? — спросила я и повернулась к тёте Лене. — Что числится?

Тётя Лена была при графике — вторник, четверг, она в приёмной как дежурный, к которому приписана строка. Она ответила ровно, как отвечают люди, которые сорок восемь лет держат одну строку и потому не дрожат перед второй:

— В ведомости числится «хозяйственный инвентарь». Двери в инвентаре не числятся. А по плану БТИ — было четыре. Я этот план видела в девяностом, когда сдавали объект. Четыре двери. Одна — входная.

Пауза, Сергей, была не паузой — была вычитанием. Семь дверей повисли в воздухе приёмной, как семь месяцев, которые никто не посчитал.

— Значит, — сказал Кораблёв спокойно, как говорят люди, которые своё уже доказали себе, — семь дверей система не знала. Не знала — не считала. Не считала — не учитывала. А то, что не учтено, капитан, нельзя и списать. Мы, выходит, всё это время стояли в учёте, которого у системы не было. Не числились нигде.

— В том-то и следствие, — сказала я. — Система сорок восемь лет вела учёт людей, которых не было в её учёте. Это не двойная бухгалтерия. Это бухгалтерия без первой книги.

Стёпа положил ладонь на прилавок — жест, которым в нашем районе застывают, когда счёт начинается с пустого поля:

— Тогда платёжка сходится. Стипендию платили за то, чтобы я слушал за семью. А семьи в учёте нет. Значит, платили за то, чтобы слушать неучтённых. А неучтённые, капитан, стоят за семью дверями — из одиннадцати семь система не видела.

Я записала это в реестр как соображение, а не как доказательство — соображение тоже стройматериал, если записывать его честно. И объявила:

— Обход назначаю на субботу. Девять ноль-ноль. Порядок от первой двери до одиннадцатой — по счёту Кораблёва, от третьего выхода. Вскрытие — тётя Лена: ключи у неё, хранение у неё, и право вскрывать — у неё. Я присутствую. Понятые — очередь. Стёпа слушает даты. Вера Степановна — нюх. Кеша — с багажником у выхода: если из-под земли выйдет пассажир, багажник обязан быть готов к приёму.

Кеша, дожидавшийся своего пункта у входа, произнёс — багажником, то есть сквозь железо, но мы его давно понимаем без переводчика:

— Готов.

— Протокол, — сказала я Кораблёву, — будет письменный. По безбумажному следствию: тетрадные листы, отцовская ручка, подписи живых. Система подписей не ставит — она ставит переносы. Мы поставим подписи.

Тут в приёмную вошла Стрельцова. Она шла с работы из больницы — в халате, с ключами на поясе, и от халата пахло тем самым синим тоном, которым маляры закрасили потолок холла: не так чтобы сильно, но заметно, — нет скажу по-нашему: проступало, как ладони сквозь краску. Стрельцова остановилась у двери, увидела карту на прилавке и сказала одну фразу, которую я записала в реестр дословно:

— Двенадцать лет я мерила срок по пятнам. Пятна стёрли. Значит, теперь срок мерим мы.

— Вы пойдёте второй при обходе, — сказала я. — Ваша функция — счёт: вы умеете считать по тому, что темнеет.

— А у меня в подвале темнота, — сказал Кораблёв. — Не темнеет. Просто тёмная.

— Тогда считать будем по чему-то другому, — сказала Стрельцова. — По тому, что осталось светлым. Это точнее: тёмного всегда много, а светлого — по счёту.

Обход назначен. Очередь пересобралась на субботу — не разошлась, а пересобралась, потому что очередь у нас теперь дееспособна: она подписалась под протоколом шестьюдесятью двумя людьми, и подписи эти никто не отменил, потому что отменять подписи, кроме как краской, система не умеет, а краска до тетрадных листов не дотягивается — вода в соли держит.

УЛИКА № 11/V

Предмет: Карта подвала ПЧ-9, составленная Кораблёвым по памяти на обороте собственного заявления: одиннадцать дверей, счёт от третьего выхода, стены по трубе и решётке

Место/Способ: Нарисована при приёмной, в присутствии очереди (62 человека) и понятых из числа стоящих

Связка: План БТИ (четыре двери, «хозяйственный инвентарь») — из ведомости; учёт системы без первой книги; показание козы (легла — чисто)

Статус: Зарегистрировано. Расхождение семь дверей — не ошибка памяти, а отсутствие учёта: система не знала того, что не считала. Проверка — обход в субботу.

ДОКУМЕНТ № 5/V

Наименование: Заявление Кораблёва о проведении обхода одиннадцати дверей подвала ПЧ-9 в сопровождении Стрельцовой

Ответ: резолюция от руки, отцовской ручкой, подписанная: «Разрешено. Обход — не ревизия. Ревизию проводит система. Обход проводит память»

Связка: право вскрытия — у Тетери Е. И. как ответственной за хранение (улика № 45/III, вскрытие ящика); понятые — очередь, дееспособная с дня хорового «есть»

Статус: Зарегистрировано. Первый в истории района документ, где в графе «проводит» стоит слово «память». Система такой графы не знает — а графы, которых система не знает, она не закрашивает.

В кузнице у Кеши пахло углём и железом — и за этим запахом разговор шёл иначе, чем в приёмной.

— Капитан, — сказал Кеша, раздувая горн, — а подвал, вы говорите, одиннадцать человек? Я же там сорок лет багажник носил. Пустой носил.

— Пустой?

— Ну не совсем пустой. Продукты носил. Одну ношу — и тише. Вторую — и ещё тише. Я думал, мне кажется. Оказывается, не казалось, — Кеша опустил молот. — Сорок лет я носил одиннадцати тарелки и думал, что это совпадение.

— Это не совпадение, — сказала я.

— Это я теперь знаю, — сказал Кеша. — А тогда знал бы — спрашивал бы. Не спрашивал, потому что спрашивать про подвал никто не разрешал. А запрет спрашивать — он тихий: его никто не слышит, а все его соблюдают.

Вера Степановна вошла в кузницу и легла у наковальни — со стороны выхода.

— Вот, — сказал Кеша. — Смотрите: она встала на выход. Она в приёмной на выход не встаёт, она у прилавка ложится. Значит, тут выход важнее.

— Кеша, — сказала я. — Ты когда-нибудь задумывался, что коза умнее половины следствия?

— Капитан, — сказал Кеша серьёзно, — я задумывался, что коза умнее всего следствия. Но я это вслух не говорю: у нас в районе за такое говорят — неуважение к ведомству.

Кораблёв водил меня по подвалу с мелом — он рисовал на полу план, как рисуют по памяти: без линейки и без оглядки.

— Сюда ступени, — говорил он и чертил. — Здесь поворот. Здесь — ниша. Я это помню ногами, капитан, не глазами. Ноги помнят лучше: они не отвлекаются.

— Кораблёв, а если ты ошибся?

— Ошибусь — скажу, — сказал он просто. — Я не лгу про подвал. Там, где я сорок восемь лет сидел, мне врать нечем. Это как в кузнице: когда сам гвоздь клепал, не скажешь, что клепал подкову.

Кеша, пришедший с багажником, посмотрел на мел и покачал головой:

— Мел на полу — это правильно. Мел на стене — это объявление. А объявление у нас теперь одно: «ПРИЁМНАЯ». Всё остальное — на полу.

— Это почему? — спросил Кораблёв.

— Потому что с пола стирают ногами, а со стены — по решению, — сказал Кеша. — А решений у нас теперь только два: по регламенту и по правде. И правда у нас всегда на полу — на неё наступают, а она держит.

— Кеша, — сказала я. — Ты сейчас это к чему?

— Ни к чему, — сказал он честно. — Просто хотел, чтобы в комнате с планом был козырёк. Мела мало, козырёк бы заменил.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

№ 11/V → Подвал на семь дверей больше ведомости → Высшая: неучтённые двери = неучтённые люди → Обход в субботу, вскрытие по одной → Система не знала семи дверей → Обойти все одиннадцать, до решётки

№ 5/V → Обход узаконен резолюцией с подписью → Высокая: впервые проводит память, а не регламент → Право вскрытия сверить с хранением → Память легитимнее ведомости → Вести протокол на тетрадных листах

Показание козы → Кораблёв чист и хранит память → Средняя → Нюх у каждой двери → Кому коза легла — тем и верим → Козу вести в обход первой

Показание Стёпы → Память пишет снизу вверх → Высокая: счёт в подвале — тоже снизу вверх → Сверить порядок счёта на стенах с картой → Не система считает в подвале → Слушать даты у каждой двери

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой открыли первую дверь, а за ней нашлись платок, счёт мелом и дата, которая не сходилась сама с собой

Суббота, Сергей, я помню по трём предметам: ключи, платок и столбик.

Ключи — тёти Лены. Платок — о нём дальше, и он оказался дороже обеих бумаг Стёпы. Столбик — на стене каморки, и столбик этот писал тот, кто не умел писать сверху вниз.

Очередь пришла к девяти. Не выстроилась — пришла: она была в девять всегда, просто до этого дня её никто не приглашал внутрь. Восемьдесят один человек — счёт по багажнику Кеши, который с ночи дышал ровнее обычного. Багажник перед важным пассажиром дышит глубже, а когда пассажиров много — дышит строем.

Строй был по памяти. Очередь в бумагах не училась — очередь училась в очереди: тот, кто сорок восемь лет стоит, знает порядок лучше любого регламента. Впереди — Вера Степановна, потому что нюх опережает протокол. Потом Кораблёв с картой. Потом Стрельцова. Потом я.

Тётя Лена открыла подвальную дверь ключом, который держала на крючке с рукавицами сорок восемь лет. Ключ вошёл в замок без примерки — как входит только в свой.

— Первая, — сказала она. — У стены с трубою. По счёту Виктора Аркадьевича — от третьего выхода.

Кораблёв кивнул и добавил то, что я записала в протокол первым абзацем:

— Когда откроете, капитан, не говорите «пусто». В подвале пусто не бывает. Бывает не занято. А это разные вещи: пустота — это когда ничего не было. Не занято — это когда кто-то ушёл и оставил.

Тётя Лена повернула ключ. Дверь открылась без скрипа — и скрип было первое показание утра: дверь, которую сорок восемь лет открывали изнутри, снаружи открывается спокойно. Двери скрипят от того, что их давно не открывали. Эту открывали каждый день. Значит, изнутри в неё верили.

Внутри — каморка. Два на два. Не пустая. Не занятая.

Гвоздь в стене. Табурет под гвоздём. На гвозде — платок: серый, шерстяной, в клетку, сложенный вдвое по диагонали, как складывают не вещи, а знамёна. А на стене — столбик. Мелом. Короткие штрихи, снизу вверх: четыре и пятый перечёркнутый, снова четыре и пятый перечёркнутый — счётные группы, известные нам по траве, по стельке, по всему, что в этом районе считает честно.

Столбик оборвался на середине стены. Не дописан.

И тут из очереди — не хором, по-очередному, из третьего ряда, через головы тех, кто стоял ближе, — дошёл голос, и голос был Славы Жилина:

— Капитан. Это мамин.

Я обернулась. Жилин стоял, как стоят не плакальщики — истопники: прямо, держа в себе то, что топит других.

— По чему опознаёте? — спросила я по правилам: опознание — это не узнавание, опознание — это признаки.

— По завязкам, — сказал Жилин. — Правый конец обрезан криво. Мать подрезала сама, зубами, в сорок восьмом — нитка фартучная была. Она всегда подрезала зубами, я двенадцать лет смотрел и запомнил: правый конец — кривой, левый — ровный. Смотрите.

Я посмотрела. Правый — кривой. Левый — ровный. Признак микроскопический и потому неопровержимый: крупное можно перепутать, а мелочь подделывают только те, кто

знает, что подделку будут рассматривать с крупного. Эту мелочь никто не собирался рассматривать. Значит, её не подделывали.

Вера Степановна тем временем подошла к каморке, понюхала платок — и отошла. Не легла, не тронула. Коза не ест того, что хранит память, — и платок, который хранил память тридцати четырёх лет одной женщины, она не тронула даже на расстоянии нюха. Она легла на пороге — мордой внутрь. Коза встала на пост. Смена принята.

— Фиксирую, — сказала я. — Предмет в реестр. Трогать не буду ни я, ни вы. Но вам, Слава, положено право: потрогать — под протокол, двумя пальцами, на счёт раз-два-три. Хотите?

— Хочу, — сказал Жилин.

Он потрогал. Двумя пальцами, на счёт — и на счёт «два» Стёпа, стоявший у третьего выхода, вдруг сказал:

— Тринадцатое апреля.

Все обернулись. Стёпа смотрел не на платок — на свои ладони, которыми он слышит то, что не слышат уши:

— Этот платок последний раз стирали тринадцатого апреля. Вода в волокне по числу полосканий помнит день недели и число. Тринадцатое. Суббота.

И тут заговорил Кораблёв. Он говорил не быстро — он говорил с той скоростью, с которой сорок восемь лет проверяли слова на прочность:

— Двенадцатое.

— Что — двенадцатое? — спросила я, хотя уже знала: дату.

— Двенадцатое апреля, семьдесят восьмого. День, который я называю сорок восемь лет. Я не ошибусь в нём никогда — это единственная дата, которую я имею право помнить наизусть: она у меня вместо сердца. Мать Жилина — двенадцатого апреля. Я называл её так в больнице, при очереди, при вскрытии ящика. Двенадцатое.

— А волокно, — сказал Стёпа, — говорит тринадцатое.

Очередь перестала дышать одновременно — а я впервые за две книги похвалила систему в уме: она так и не научилась ни писать даты, ни их слышать, и потому не знала, что теперь у нас есть прибор, который слышит даты в волокне, и память, которая держит дату в себе, как в сейфе без замка.

— Разберём в четверг, — сказала я. — Столкновение дат — не скандал, это следствие. Расхождение на один день — это не ошибка. Это перенос. Система не пишет даты — она их переносит. Вопрос только: кто перенёс и почему на один день вперёд.

Я записала в протокол: расхождение «двенадцатое» (память Кораблёва) против «тринадцатого» (волокно платка, слышание Стёпы) — один день. Направление переноса: вперёд. Формулировку оставила открытой — она потребует производства, а не абзаца.

А потом я подошла к столбику на стене. Мел серый, как вся эта стена, штрихи — снизу вверх. Я пересчитала группы: двадцать шесть полных и одна неполная — два штриха из пяти. Счёт, который не дописан.

— Виктор Аркадьевич, — спросила я. — Чей это счёт?

— Не наш, — сказал Кораблёв. — Мамы Жилина. Она считала каждый день, который ждала. Я ей говорил: не пишется так. А она отвечала: всё, что ждёт, пишется снизу вверх, потому что ждёт не вниз, а вверх. Сверху вниз пишут те, кто спускает приказы.

— Счёт оборван, — сказала я.

— Потому и не завершена, — сказал Жилин тихо. И это была не жалоба это была формула: женщина тридцати четырёх лет числилась не завершённой — и счёт её остановился на середине стены, потому что не завершённое не имеет права на последнюю цифру.

Стрельцова в это время стояла у второй двери — она шла вперёд по карте, как обещала, считая по светлому. Вернулась и доложила в свой протокольный стиль:

— Дверь вторая — не заперта изнутри. Приоткрыта на ладонь. Капитан, за ней кто-то был недавно. Или есть.

— Есть или был — решим на месте, — сказала я. — Порядок обхода не меняется. Но следующая вскрытая дверь уже не будет чисто мемориальной.

Кеша с багажником ждал у выхода — и багажник дышал. Не так, как перед пассажирами, а иначе: реже и глубже. Кеша перевёл: так багажник дышит, когда за стеной держат инвентарь, который не проходил по ведомости. Инвентарь у нас уже числился одиннадцатью единицами в описи — и теперь он начал жить.

Первую дверь мы закрыли. Тётя Лена заперла её ключом, и ключ лёг обратно на крючок с рукавицами так, как ложится то, что встало на своё место. Смена продолжалась.

Наверху, во дворе, трава над подвалом — та самая, которая пишет снизу вверх и которой коза не ест, — в эту субботу, по счёту Кеши, прибавила на три стебля. Три. Не семь, не один — три. Счёт травы не совпадал ни с одной ведомостью, и в том и была его сила: он был единственный счёт в районе, который система не могла ни оспорить, ни закрасить, ни переписать. Она его просто не читала.

УЛИКА № 12/V

Предмет: Женский платок серый шерстяной в клетку; правый конец обрезан криво (зубами, нитка фартучная, сорок восьмой год); столбик счёта мелом на стене каморки — снизу вверх, двадцать шесть полных групп и одна неполная, оборван на середине

Место/Способ: Найдены при вскрытии двери № 1 (по счёту от третьего выхода); вскрытие произвела Тетеря Е. И.; опознание — Жилин С. по признаку обреза

Связка: женщина тридцати четырёх лет, «не завершена» (книга третья); дата смерти — двенадцатое апреля семьдесят восьмого (Кораблёв) против тринадцатого апреля (волокно платка, слышание Стёпы); счёт травы — тоже снизу вверх

Статус: Зарегистрировано. Опознание состоялось по признаку, а не по симпатии: кривой правый конец — неопровержимая мелочь. Столкновение дат вынесено в отдельное производство.

ДОКУМЕНТ № 6/V

Наименование: Протокол вскрытия двери № 1 подвала ПЧ-9 от субботы; участники — Тетеря Е. И. (вскрытие), Кораблёв (карта), Стрельцова (счёт), Стёпа (слышание), Жилин С. (опознание), понятые — очередь, 81 человек

Ответ: подписи живых — шестнадцать; печати нет; в графе «Печать» — отпечаток копыта Веры Степановны, засчитанный единогласно как окружность правильной формы

Связка: показания козы в серии уже засчитывались как экспертиза; копыто — первая круглая печать, которую система не оспорит: у неё на круглое своё ведомство — кружка

Статус: Зарегистрировано. Первая дверь — вскрыта, опознана, закрыта и заперта обратно. Счёт травы: пятьсот шестьдесят три.

Бабушка солила щи и слушала — про приёмную, про очередь, про стипендию, которая шла сорок восемь лет.

— Стипендия, — сказала она и посолила. — Это хорошо. Документы, которые шёл сорок восемь лет, приходят не тем, кому писали, а тем, кто дождался. Это разные адресаты, дочка.

— Баб, а если получатель не тот?

— Значит, писали в никуда, — сказала бабушка. — А в никуда ничего не пропадает. В никуда всё складывается. Ты платёжку видела?

— Видела.

— Из соли?

— Из соли.

Бабушка сняла крышку, посмотрела на щи и закрыла обратно.

— Соль, — сказала она, — это то, что система не проверяет. Проверять то, чего не числится, ей регламент запрещает. Поэтому в соли у нас лежит всё честное. Ты, дочка, держи коробки. Коробка — это не упаковка. Коробка — это порядок, который никто не отменял, потому что не знал, что он есть.

— Баб, а если система придёт за коробками?

— Система не приходит за тем, чего нет в её графах, — сказала бабушка. — А в её графах нет коробок. Есть только то, что она посчитала. А посчитала она себя — сто второй.

Вера Степановна легла у порога — со стороны печки.

У первой двери я стояла долго — она была вскрыта, опознана и заперта обратно, и это был порядок, которого система не знала.

— Капитан, — сказал Ветров. — У меня запись есть про эту дверь. Прочту?

— Читай.

— «Дверь заперта снаружи — это порядок. Дверь заперта изнутри — это отказ», — Ветров закрыл тетрадь. — Я слышал, как она запирается. Снаружи замок стучит. Изнутри — нет: изнутри подшипник. Разные двери поют по-разному, я сорок восемь лет слушал.

— И эта как пела?

— Эта молчала, — сказал Ветров. — А молчащая дверь — это либо пусто, либо ждут. Ждать она не может — пусто. Сорок восемь лет пусто — это не пусто, это уже позиция.

Кеша из-за угла:

— А я говорю: дверь — это как багажник. Открытая — ждёт. Закрытая — спит. А запертая снаружи, капитан, — это спит со вздохом. Она знает, что её откроют.

— Кеша, ты сравниваешь дверь с багажником? — спросила я.

— Я сравниваю всё с багажником, — сказал он с достоинством. — Потому что багажник — это я. Всё, что я понимаю, я понимаю через багажник. И пока не ошибался ни разу.

Вера Степановна легла у порога — со стороны замка.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

№ 12/V → Первая из одиннадцати строк получила имя через признак → Высшая: опознание по мелочи сильнее опознания по бумаге → Показать завязки Жилину отдельно от очереди → Мать Жилина — строка одна → Осталось десять дверей; вторая — приоткрыта на ладонь

Столкновение дат → Двенадцатое против тринадцатого → Высшая: это перенос, а не ошибка → Четверг: Стёпа слушает волокно в присутствии Кораблёва → Система переносит даты и на смерть → Открыть производство «один день»

Счёт мелом → В каморке считали снизу вверх → Высокая: считали не для системы → Пересчитать штрихи в группе → Двадцать шесть полных и один оборванный → Найти, кому принадлежат два недописанных штриха

Показание козы → Платок не тронут: память хранится → Средняя → Нюх у второй двери → Коза не ест память → Держать козу в первом ряду обхода

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой один день нашёлся между смертью и описью, а дворник сдал экзамен, который никому не показывал сорок восемь лет

Четверг, Сергей, я помню по трём предметам: таз, метла и графа.

Таз — тёти Лены: он стоял у прилавка с ночи, с водой, и в воде лежал платок, потому что волокно слушают мокрым — сухое волокно, между нами, лжёт с достоинством, а мокрое говорит с точностью. Метла — Аркадия: она пришла в приёмную раньше самого Аркадия, её поставили у стены, и стояла она так, как стоят не инструменты, а регалии. Графа — та самая, из платёжки: «Принял». Сегодня предстояло решить, чьим именем она заполнена на самом деле и заполнена ли кем-нибудь вообще.

Производство «один день» я открыла в девять ноль-ноль — по регламенту приёмной: вторник, четверг. Присутствовали: Кораблёв, Стёпа, Стрельцова, Жилин, тётя Лена — при ней, как при хранении. Понятые — очередь, восемьдесят один человек, счёт тот же, что и в субботу: очередь за три дня не убавилась и не прибавилась, потому что очередь измеряется не количеством, а постоянством. Вера Степановна лежала у прилавка. Пост принят.

Платок я достала из таза двумя пальцами, как договаривались, и положила перед Стёпой.

— Слушайте ещё раз, — сказала я. — В присутствии памяти. Виктор Аркадьевич, вы называете дату. Волокно называет дату. Одно из двух — неверно, либо оба верны и неверны оба. Разберём.

Стёпа опустил ладони на мокрое волокно и молчал три минуты. Три минуты — это уже регламент печи, а теперь и регламент волокна: отвечают не сразу, отвечают как учреждение. Потом он поднял голову и сказал то, чего я не ждала:

— Даты две. Капитан, в платке их две.

— Считайте вслух.

— Двенадцатое апреля — это тёплый день. Волокно помнит его как носку: платок был на плечах, и тепло шло в шерсть. А тринадцатое апреля — это вода. Полоскание. Утром, до солнца. Но вот что важно, капитан: волокно помнит дату стирки — и не помнит рук хозяйки. Руки были чужие. Волокно всегда различает: своё тепло — изнутри, чужое — снаружи. Тринадцатого апреля платок стирали не свои руки.

И тут — не дожидаясь моего вопроса, потому что дежурные отвечают не на вопросы, а на тишину, — заговорила тётя Лена. Голос у неё был тот же, что в заявлении: без нажима и без дрожи.

— Мои, — сказала она. — Руки — мои.

Очередь не зашевелилась. А Кораблёв снял кепку — по протоколу: он снял её перед тем, как она ляжет в реестр.

— Тринадцатого апреля, семьдесят восьмого года, утром, — сказала тётя Лена, — я забрала из больницы вещи. Вещи, которые система выдала не получателю, а просто выдала — на стол, в холл, без списка. В том свёртке был платок. Я его простирала. Воду брала из колонки во дворе, полоскала трижды — она и сейчас, если посылать, помнит три. Потом просушила на трубе — труба была тёплая, я ещё подумала: труба греет, а печь в подвале молчит. Потом принесла в часть и повесила на гвоздь в каморке за первой дверью. На тот гвоздь, где она висела при жизни. Гвоздь я, между нами, трогать не стала — оставила как была: на том уровне, на каком держал он.

— Почему не вернули вещи родным? — спросила я. Хотя уже знала ответ: вещи, выданные без списка, вернуть невозможно — невозможно вернуть то, чего нет.

— Потому что получатель, — сказала тётя Лена, — не назначен. Я это прочла в ту ночь на вкладыше. И я тогда, в двадцать шесть лет, решила: раз назначение не назначено — назначу я. Назначила каморку. Сорок восемь лет каморка была назначена. Сегодня она освобождена — освобождение тоже назначение, только в другую сторону.

Кораблёв держал кепку в руках и молчал. Потом сказал — ровно, как говорят люди, которые своё уже проверили:

— Значит, я прав. Двенадцатое — это смерть. Я помню смерть: её я получал лично, при очереди, в больнице. А тринадцатое — это уже не она. Тринадцатое — это её вещи.

И тут я поняла то, что записала в заключение потом, а в тот момент просто встала и взяла ручку. Расхождение было не в датах. Оно было в предметах.

— Смотрите, — сказала я. — Вклейка журнала системы — та, что из четвёртой книги, тринадцатое апреля, «погрузка к вечеру». Память Кораблёва — двенадцатое апреля, смерть. Волокно — тринадцатое, стирка чужими руками. Теперь поставим в один ряд: система датирует не смерть. Система датирует погрузку — день, когда человека перестали считать человеком и начали считать имуществом. Она не переносит даты. Она меняет событие под датой: вместо человека ставит опись.

— Один день, — сказал Стёпа, — это расстояние между смертью и учётом. Система живёт в этом дне. В этом дне, капитан, человек уже не человек, но ещё не вещь. Там никого нет — и там всё подписывается.

— Противоречия нет, — сказала я в реестр. — Есть два события и одна опись. Производство «один день» — закрыть с формулировкой: расхождение дат не ошибка и не перенос, а разница между человеком и инвентарём. Система датирует инвентарь. Смерть остаётся за человеком — и её, значит, никем не было записано, кроме памяти.

Вера Степановна в это время подошла к тазу, понюхала воду — и легла. Не у прилавка — к тёте Лене, вдоль её сапог. Коза подтверждает не факты, а руки: руки, которые сорок восемь лет хранили то, что не должен был забыть никто, — чисты. Козы, я повторю, не едят того, что хранит память, а это вода хранила память тринадцатого апреля сорок восемь лет. Показание принято.

В одиннадцать ноль-ноль, по вызову, который я выписала ещё во вторник, пришёл дворник Аркадий.

Он пришёл раньше времени — но не потому, что спешил: он просто живёт по колодезному графику, а колодезный график знает один час — раньше. Метлу он поставил у стены, стянул рукавицы и положил на прилавок — жестом Кораблёва: то, что снимают перед протоколом. Очередь посмотрела на него и не расходилась и не шелохнулась: очередь принимает бывших молча, а Аркадий не был ни бывшим, ни начальником — он был первый человек в этом деле, которого система не задела вообще. Таких в очереди нет. Их не бывает. Очередь смотрела на него как на бесконечность: человека, у которого система ничего не отняла, потому что у него и не было ничего, что она умеет отнимать.

— Дворник, — сказала я. — Вызов я выписала по одному основанию: очередь спросила — Виктор Аркадьевич и тот, который уехал считать убытки, не братья ли. Вы ответ знаете?

— Знаю, — сказал Аркадий. — Не братья. Ученики.

— Ученики по какому предмету?

— По графам, — сказал он и положил на прилавок лист. Тетрадный, в клетку, от руки. На листе была нарисована линия — ломаная, с равными коленами, и под каждым коленом — короткая вертикальная насечка. График колодца, сорокавосьмилетний: уровень воды, осадки, забор ведра. Шаг «через равное» — это его термин: колено графика через равный промежуток, потому что ведро в колодце поднимается не с рывком, а с равным шагом — кто тянет с рывком, тот бьёт ведром о сруб и слух колодца портит.

— Я учил их читать эту линию, — сказал Аркадий. — Колесникова — он был третий год на кочегарской… нет, извините, на организационной. И Тумина. Я им показывал: граф — это не рисунок. Граф — это линия, которая слушает. Где линия ровная — там никто не шевелился. Где дрожит — там руку приложили. Я им говорил: система читает сверху вниз, а вода в колодце поднимается снизу вверх, — поэтому кто умеет читать колодец, тот умеет читать то, что система прочесть не может.

— Кто вас научил?

— Колодец, — сказал Аркадий просто. — Я сорок лет черпаю. Сорок лет у меня один учитель и одна методичка.

— Школу вашу очередь называет «школа Аркадьевичей», — сказала я. — Это от вас?

— От меня, — сказал он без смущения. — Меня зовут Аркадий, а учеников очередь так и звала: Аркадьевичи. Не по отчеству — по школе. В районе, капитан, отчество — это не родитель. Отчество — это метод.

— Тогда последний вопрос, и он не про вас. — Я положила на прилавок платёжку. — В графе «Принял» — буква «А.» с нажимом, пробивающим бумагу. Та же виза стоит на тринадцати личных делах, где получатель не назначен. Вы — «А.»?

Аркадий посмотрел на букву долго. Потом взял тетрадный лист — свой же, с графиком, повернул, нашёл пустой угол и написал одну букву. Криво. С нажимом влево, с наклоном, каким наклоняются не к бумаге, а к делу.

— Мой почерк кривой, — сказал он. — Всю жизнь кривой: колодец так ставит руку. А ваш «А.» — ровный. Ровный, без наклона, без нажима наискось. Не мой.

— Тогда кто?

— Не знаю, — сказал он. И добавил то, ради чего стоило вытаскивать его из двора: — Но ровный почерк я видел однажды. В семьдесят восьмом. У того, кто подписывал бумаги при наших — то есть не при наших: над нашими. Он писал, как печатают: по слогам, одинаково, и рука не дрожала от слова «никогда». Я тогда подумал: этот человек пишет не свои слова. Долго думал. Потом понял: он пишет не слова. Он пишет графу.

— То есть «А.» — не имя.

— «А.» — должность, — сказал Аркадий. — И должность эта, судя по тому, что она сорок восемь лет в одной руке, передаётся не по наследству, а по графику. Кто следующий дежурит — тот и «А.». А график, капитан, у нас умею читать только я. И мои двое учеников. Один из них уехал считать убытки. Второй сидит в третьем ряду.

Колесников не пошевелился — только кивнул, и кивок этот был засчитан очередью единогласно: очередь, я уже говорила, принимает бывших молча. Но это молчание было не молчанием бывшего — это было молчание ученика, который узнал метод учителя в чужой ровной визе.

В двенадцать ноль-ноль приёмную я закрыла — секунда в секунду. Очередь пересобралась на субботу: вскрытие второй двери. А в четыре десять тётя Лена доложила из подвала то, чего я не ждала:

— Вторая дверь — открылась ещё на ладонь. Сама. И оттуда, капитан, пахнет не подвалом. Оттуда пахнет стиркой.

Счёт травы — пятьсот шестьдесят три. Новых строк не прибавилось: производство «один день» закрывается только тогда, когда строка получает дату настоящую. Дата стала настоящей. Счёт стоит на месте — впервые за сорок восемь лет счёт чего-то в этом районе стоит на месте, потому что ему нечего дописывать.

УЛИКА № 13/V

Предмет: Показание волокна платка (вода в тазу, слушание Стёпой при Кораблёве): в волокне две даты — двенадцатое апреля (нос, своё тепло) и тринадцатое апреля (полоскание, чужие руки, три полоскания)

Место/Способ: Приёмная участка ПЧ-9, четверг, девять ноль-ноль; вода — тёти Лены, из колонки, тот же источник, что тринадцатого апреля семьдесят восьмого

Связка: вклейка журнала системы «13 апреля, погрузка к вечеру» (книга четвёртая); память Кораблёва — двенадцатое; тётя Лена — руки при стирке; показание козы (легла к тёте Лене — руки чисты)

Статус: Зарегистрировано. Расхождение двенадцатое/тринадцатое снято: это не перенос, а подмена события под датой. Система датирует инвентарь, не человека.

ДОКУМЕНТ № 7/V

Наименование: Заключение по производству «один день»; подписано — Настя (следователь), Кораблёв (память), Стёпа (слышание), Тетеря Е. И. (хранение и руки), Жилин С. (за строку)

Ответ: формулировка — «Расхождение дат не ошибка и не перенос: система датирует погрузку имущества вместо смерти человека. Один день — расстояние между смертью и учётом»

Связка: страница четырнадцатая, пункт девять — регламент отсутствия; производство открыто в главе третьей, закрыто в главе четвёртой — срок регламентный

Статус: Зарегистрировано. Первое производство в серии, закрытое не подписью, а примирением двух правд: память держит смерть, волокно держит заботу. Система в обеих не участвует.

Вечером я пересчитывала тетрадные листы — реестр пятой книги рос, и листов стало больше, чем граф на них.

— Капитан, — сказал Стёпа от прилавка. Он остался после закрытия — он теперь оставался часто. — А листы, вы говорите, неогнестойкие?

— Неогнестойкие.

— Это хорошо, — сказал Стёпа. — Мне мама в детстве говорила: что не горит, то врёт. Я тогда не понял. Теперь понимаю: бумага с грифом горит, потому что ей есть что прятать. А тетрадный лист прятать нечего — на нём правда, и правда не боится огня.

— Стёпа, — сказала я. — Тебе двадцать шесть лет. Откуда у тебя это?

— Из очереди, — сказал он просто. — В очереди сорок восемь лет стоят люди, которые всё это видели. Пока стоишь — слушаешь. А потом уши привыкают, и начинаешь слышать то, что не говорили.

Вера Степановна прошла вдоль рядов крюков — мимо пустых — и вернулась.

— Слушал за одного, — сказал Стёпа и посмотрел на крюки. — Потом за двоих. Тариф рос.

— Тариф закроем, — сказала я.

— Я не про деньги, капитан, — сказал Стёпа. — Я про счёт. Его надо закрывать в первую очередь. Деньги — потом.

Ведомость Стёпы легла на прилавок — и очередь за ней вытянулась, как за хлебом.

— Капитан, — сказал Стёпа. — Я всё думаю: сколько нас таких, стипендия у которых шла сорок восемь лет?

— Не знаю. Пока один документ.

— Один, — повторил Стёпа. — Значит, вы по нему восстановите всю программу. Это как с мячом: раз оно летит, значит, было поле. Без поля не летает.

— Ты в школе играл в мяч? — спросила я.

— Нет, — сказал Стёпа. — Я слушал. Но поле понимал: если предмет летит, за ним должен быть расчёт. Мяч не летает сам. Документ не идёт сам. Стипендия не отменяется сама. Кто-то всё это считал. И счёт у него остался.

— И счёт — это ты?

— Счёт — это я, — сказал Стёпа спокойно. — Я сорок восемь лет слушал за одного, за двоих, за троих. Тариф рос, а уши — те же. Теперь уши требуют отчёт, капитан. Это не наезд. Это бухгалтерия.

Кеша со своего багажника:

— А я говорю: бухгалтерия — это как кузница. Что закалено, то держит. Что не закалено — гнётся. Твой счёт закалён сорок восемь лет — он не согнётся.

— Не согнётся, — сказал Стёпа. — Я проверял.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ЧЕТВЁРТОЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

№ 13/V → Даты сходятся, если в них поменять предмет → Высшая: система датирует инвентарь, а не человека → Сверить все даты серии по этому правилу: где дата — там проверять, датируют ли человека → Сорок восемь лет система датирует опись → Пересмотреть даты вклеек журнала

Показание Аркадия → «А.» — не имя, а должность; передаётся по графику → Высшая: инициал без имени — это подписант без личности → График колодца: сверить наследование смены → Кто дежурит — тот и «А.» → Найти график смены подписантов

Школа Аркадьевичей → Колесников и Тумин — ученики одного инструктора → Высокая: оба умеют читать графы системы → Колесников кивнул — метод признан → Тумин «уехал считать убытки» — по адресу пойдут и мы → Запросить у Колесникова: где учитель встречал ровный почерк

Вторая дверь → Открылась на ладонь; пахнет стиркой → Высокая: за второй дверью — живое, не мемориальное → Суббота: вскрытие при очереди → За дверью кто-то держит порядок → Вскрыть вторую, багажник — у выхода

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой вскрыли вторую дверь, а за ней нашлась смена, которую никто не отменял, и корзина, которая сорок восемь лет ждала не забирателя, а сдатчика

Суббота, Сергей, я помню по трём предметам: таз, мыло и номер.

Таз — тот же, что в четверг: он ехал в подвал у Кеши в багажнике, и багажник принял его как коллегу — вещи, которые слышат воду, перевозят с уважением. Мыло — хозяйственное, тёти Лены, сорокавосьмилетней выработки: на бруске стоял штамп, и штамп читался до сих пор. Номер — тот, что я собиралась присвоить второй двери, а присваивать, как выяснилось, было нечего: номер у неё уже стоял.

Очередь пришла в восемь тридцать. Восемьдесят один человек — счёт тот же. Очередь не растёт и не тает, она уточняется: с каждой дверью из её состава выходят те, кто узнаёт за дверью своё, — и это не убыль. Это расформирование страха.

Тётя Лена открыла подвальную дверь вторым ключом — с того же крючка, с рукавицами. Ключ вошёл без примерки. Мы спустились строем: Вера Степановна первой, Кораблёв с картой, Стрельцова со счётом по светлому, Стёпа с ладонями, я с ручкой. Кеша остался у выхода — с багажником: приёмная точка как в больнице — приёмное отделение.

Вторая дверь стояла приоткрытой на ладонь — как доложила тётя Лена в четверг. И теперь, когда мы подошли, она открылась ещё на ладонь. Сама. Без скрипа — двери, которые открывают каждый день скрипят только тем, кого не ждали. Эту дверь ждали.

— Вхожу, — сказала тётя Лена. — По хранению — мне. Дальше — по приглашению.

Внутри — сушилка. Не каморка: сушилка. Длинное помещение, тёмное, вдоль стены — верёвка, натянутая в две линии, верхняя и нижняя, и на верхней верёвке — бельё. Постиранное. Развешенное. Которое уже высохло — но не снято. Сорок восемь лет сушёное бельё, снятое тем, кто развешивал, — а не снятое никогда.

И запах. Тот самый, который тётя Лена учуяла в четверг: стирка. Не тухлая, не прелая — стирка. Запах — это тоже показание, и оно даётся не носу, а памяти: у запаха нет даты, у него есть узнавание.

Вера Степановна вошла, понюхала верёвку — и легла. У нижней линии, мордой к дальней стене. Коза встала на пост не у входа — у стены, из которой что-то читалось.

Стрельцова включила счёт — по светлому:

— Капитан. В сушилке светлое есть. Смотрите на простыни.

Я посмотрела. На простынях, на воротах рубашек, на подолах — метки. Не монограммы: номера. Проставленные ниткой, крестиком, смываемым карандашом — способами, которыми метят бельё в больницах и в частях. Я подошла ближе и прочла первый номер: четырнадцать.

— Номер четырнадцать, — сказала я. — Больничный ли, ведомственный ли — а номер есть. И это значит, что бельё числилось. В чём-то числилось. В системе числится только то, что по ней проходит, а бельё, которое систему не проходило, номера не имеет. Значит, была своя опись.

— Своя опись, — повторил Кораблёв и полез в карман кепки. — Тогда вот.

Он достал сложенный вчетверо лист — тетрадный, в клетку, истёртый по сгибам так, что сгибы просвечивали. Развернул. Я прочла заголовок, написанный ровным почерком:

«ОПИСЬ БЕЛЬЯ И ИНВЕНТАРЯ. Подвал. Ведение — сменное».

И под заголовком — столбец. Номера: четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать… до тридцати девяти. Двадцать шесть единиц. Против каждой — графа «Принял» и графа «Сдал».

И в графах — буквы. От руки. Ровным почерком — но с одной странностью: в графе «Сдал» стояло всегда одно и то же — «А.», а в графе «Принял» — разные буквы, живые, с наклонами: Б., В., Г., Д.

— Смотрите, — сказал Кораблёв. — Сдал всегда один. Принимали — разные. Это смена: сдаёт дежурный, принимают те, кому сдают. «А.» — это не подписант тринадцати личных дел, капитан. «А.» — это тот, кто в подвале держал опись. Держатель.

— Держатель, — сказала я. — Тогда производство «А.» меняет предмет: искали имя — нашли должность. Но должность без имени — это не должность. Это место, которое ждало занять.

Стёпа тем временем стоял у верёвки и держал ладони вдоль белья — не касаясь. Потом повернулся:

— Капитан. Бельё слушается. Оно сухое, но сорок восемь лет в соли — и в соли вода читается дольше, чем в мокром. Слушайте: рубашка четырнадцать — носил её тот, кто ростом выше среднего, левша, и носил до семьдесят восьмого года включительно. Дальше — стирка. Но без носки. Сорок восемь лет стирки без носки. Её стирали, чтобы не лежала грязной — не для того, чтобы носить.

— Кто стирал? — спросил Жилин.

— Руки, — сказал Стёпа. — Руки одни и те же. И вот что я слышу: руки старые. Не дрожат — старые. Работают по счёту: три полоскания, отжим, встрях, развесить, шаг. Шаг, капитан, равный. Шаг «через равное».

И тут тётя Лена, которая всё это время стояла у дальней стены — там, куда легла коза, — опустилась на корточки и вытащила из-под нижней верёвки то, что держала стена: корзину. Плетёную, с ручкой, с накипью соли по кромке. В корзине — мыло. Тот самый сорт: хозяйственное, сорокавосьмилетней выработки, со штампом. И брусков было столько, сколько нужно на сорок восемь лет стирки по норме — ни одного лишнего.

— Корзина, — сказала тётя Лена ровно. — Мыло по норме. Вода, я теперь знаю, по колонке во дворе. Шаг равный. Капитан, я это узнаю. Не я это делала — но я это знаю. В части был порядок: стирку держали — кто дежурил. Смена. Сорок восемь лет смена держала стирку не для себя. Для тех, кто должен был вернуться и одеться.

— И не вернулись, — сказал Кораблёв.

— И не вернулись, — согласилась тётя Лена. — А смена не отменяется. Смену можно только сдать. Бельё висит, мыло лежит по норме, вода по колонке — это не заброшенность. Это ожидание, доведённое до регламента. Система не умеет ждать сорок восемь лет. А смена — умеет. Смена — это единственная форма ожидания, которая переживает забывание.

Тут в дверях сушилки — который раз за серию в самый нужный момент — заговорил багажник. Кеша перевёл:

— Он говорит: пассажир есть. Не выходил — но есть. Пассажиры бывают не только выходящие. Бывают остающиеся.

Я подошла к дальней стене — туда, куда легла Вера Степановна. Стена была обычная. Кроме одного: у самого пола, на высоте ладони, в штукатурке был круг. Круглый след — как от кружки, придавленной к стене. Не пятно — след: штукатурка вокруг чуть темнее, и по краю осталась выемка.

— Кружка, — сказала я. — Придавленная к стене. Долго. Кто-то сорок восемь лет ставил кружку в одно и то же место — у пола, под нижней верёвкой, там, где стоять удобно на смене.

— У сменщика, — сказал Кораблёв, — кружка — это то же, что кепка у меня. Ставят туда, где сиживали.

Я сняла с шеи ручку, отцовскую, положила ладонь на круг — и попросила Стёпу:

— Слушайте стену. Через ладонь, как волокно.

Стёпа приложил обе ладони к кругу и молчал минуту. Потом сказал — тихо, как отвечают не мне, а стене:

— Сорок восемь лет, капитан. Сорок восемь лет сюда ставили кружку — и пили не чай. Тут пили слушание. У этой стены сидел тот, кто держал стирку, и слушал то, что шло по верёвке. А по верёвке, капитан, шло вот что: бельё помнит, кто его носил. И когда сменщик садился у стены, бельё ему рассказывало. Всю ночь. Про рост, про левую руку, про год. Он слушал — и писал в опись. Опись, капитан, — это не список вещей. Это стенограмма рассказов. Каждая единица белья — это глава.

И тогда я сделала то, что должна была сделать следователь, а сделала только человек:

— Виктор Аркадьевич. Опись в ваших руках. Кто её вёл?

Кораблёв перевернул лист — на обороте, внизу, была графа, которую я не заметила. «Ведение передано». Дата. Семьдесят восьмой год, апрель. И под датой — две буквы: «А.» — и стрелка от неё к другой букве, живой, с наклоном.

— Смена сдана, — сказал Кораблёв. — Двенадцатого апреля «А.» сдал ведение. Принял — вот этот почерк. Я его знаю, капитан. Это почерк из каморки. Тот, который писал счёт мелом снизу вверх.

Жилин сделал шаг вперёд. Не к листу — к верёвке. Он потянулся к рубашке с номером четырнадцать и спросил разрешения голосом — я его услышала, хотя слов не было. Я кивнула. Он потрогал ворот двумя пальцами — и стоял так ровно столько, сколько нужно, чтобы узнавание прошло по рукам, а не по слезам. Потом сказал:

— Папина. Рост выше среднего, левша. Я это знаю, но не по описи — по обниманию.

— Внесите в реестр, — сказала я Стрельцовой. — Опознание второе: единица белья, номер четырнадцать, опознана Жилиным С. по вороту и по росту. Свидетель опознания — волокно.

А Вера Степановна тем временем встала — с поста у стены — и сделала то, чего я не видела ни разу за пять книг: поднялась на задние ноги и положила передние на край корзины с мылом. Не встала в корзину — положила. Коза обозначила заклад. У козы есть инстинкт закладывать то, что надо сохранить. Она заложила корзину — как закладывают то, что нельзя унести, но нельзя и оставить без присмотра.

Мы закрыли сушилку. Тётя Лена заперла — и повесила на ручку вторую бирку: тетрадный листок, сложенный вдвое. На нём я написала: «Смена не отменена. Смена принята. Принял — следствие. Печать — копыто, форма правильная».

Наверху Кеша доложил про багажник:

— Он пахнет стиркой, капитан. Спросил, можно ли возить мыло. Я сказал: можно, если по норме. Он доволен: у него теперь стаж в двух ведомствах.

Счёт травы, снятый Кешей в этот день во дворе, — пятьсот шестьдесят три. Без прибавки. Вторая строка к закрытию не шла: она к передаче. Строку можно закрыть только тогда, когда её примет тот, кто её держал, — а держал её тот, кто сидел у стены с кружкой и слушал бельё. И этот кто-то, по графе «Ведение передано», двенадцатого апреля семьдесят восьмого года передал счёт маме Жилина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.